

Persée

<http://www.persee.fr>

Götz Hillig

Hillig Götz, ... In: Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 33 N°1. Janvier-Mars 1992. pp. 83-105.

[Voir l'article en ligne](#)

Götz Hillig, Comment A.S. Makarenko a découvert la famille. À propos de l'histoire de la genèse et de l'impact du Livre des parents (1936-1939).

Cet article examine des questions auxquelles les chercheurs ont accordé peu d'attention : notamment la façon dont l'éducateur et écrivain soviétique A.S. Makarenko a composé son Livre à l'usage des parents (Kniga dlja roditelej), comment ce livre a été mis au point, puis reçu par la critique pédagogique et littéraire. Dans ce contexte on discutera aussi de la question suivante : pourquoi Makarenko qui, dans les années 20, n'attachait aucune valeur à la famille en tant qu'institution pédagogique, a décidé, au milieu des années 30, d'écrire un manuel à l'usage des parents pour les aider à élever leurs enfants. Outre les sources publiées, l'auteur a pu consulter des documents d'archives et recourir à des témoignages.

Avertissement

L'éditeur du site « PERSEE » – le Ministère de la jeunesse, de l'éducation nationale et de la recherche, Direction de l'enseignement supérieur, Sous-direction des bibliothèques et de la documentation – détient la propriété intellectuelle et les droits d'exploitation. A ce titre il est titulaire des droits d'auteur et du droit sui generis du producteur de bases de données sur ce site conformément à la loi n°98-536 du 1er juillet 1998 relative aux bases de données.

Les oeuvres reproduites sur le site « PERSEE » sont protégées par les dispositions générales du Code de la propriété intellectuelle.

Droits et devoirs des utilisateurs

Pour un usage strictement privé, la simple reproduction du contenu de ce site est libre.

Pour un usage scientifique ou pédagogique, à des fins de recherches, d'enseignement ou de communication excluant toute exploitation commerciale, la reproduction et la communication au public du contenu de ce site sont autorisées, sous réserve que celles-ci servent d'illustration, ne soient pas substantielles et ne soient pas expressément limitées (plans ou photographies). La mention Le Ministère de la jeunesse, de l'éducation nationale et de la recherche, Direction de l'enseignement supérieur, Sous-direction des bibliothèques et de la documentation sur chaque reproduction tirée du site est obligatoire ainsi que le nom de la revue et- lorsqu'ils sont indiqués - le nom de l'auteur et la référence du document reproduit.

Toute autre reproduction ou communication au public, intégrale ou substantielle du contenu de ce site, par quelque procédé que ce soit, de l'éditeur original de l'oeuvre, de l'auteur et de ses ayants droit.

La reproduction et l'exploitation des photographies et des plans, y compris à des fins commerciales, doivent être autorisés par l'éditeur du site, Le Ministère de la jeunesse, de l'éducation nationale et de la recherche, Direction de l'enseignement supérieur, Sous-direction des bibliothèques et de la documentation (voir <http://www.sup.adc.education.fr/bib/>). La source et les crédits devront toujours être mentionnés.

ГЁТЦ ХИЛЛИГ

КАК А. С. МАКАРЕНКО ОТКРЫЛ СЕМЬЮ

К истории создания и воздействия

Книги для родителей

1936-1939 гг.

1. К предыстории замысла

Благодаря *Книге для родителей*, первая и одновременно единственная часть которой вышла в 1937 году, а также циклу «Лекций о воспитании детей» (ее передавали в том же году по одной из программ московского радио), «борец за детские дома» А. С. Макаренко стал авторитетом для широких кругов педагогов-практиков и родителей также и в вопросах воспитания в семье. Так, в 1938-1939 гг. его приглашают выступать перед большой аудиторией с докладами, участвовать в дискуссиях на эту тему, ему приходится отвечать на многочисленные письма читателей и слушателей, давать консультации по конкретным проблемам воспитания¹.

В одном из своих докладов (22 июля 1938 г.) Макаренко среди прочего сказал об этом так:

«После того как вышла *Педагогическая поэма*, ко мне все стали ходить: бывшие беспризорники и всякие бандиты, люди, искривившиеся в жизни и даже не искривившиеся, и ищущие какой-то правды, и спрашивают, как нужно поступить. [...] Но после *Книги для родителей* я не знаю, куда спастись. Стали ходить родители, исключительно неудачники.»²

А несколько позже (9 марта 1939 г.) он сказал еще и следующее: «[...] очень часто принимаю у себя на дому клиентов по разным вопросам, хотя на моих дверях не висит дощечка 'прием от такого-то до такого-то'»³ Иногда Макаренко даже давал своим слушателям домашний телефон и просил их звонить (например, 22 июля 1938 г.) — «лучше утром до 11-ти или в час ночи»⁴.

Для контраста можно отметить прямо-таки сдержанное, иногда и просто отрицательное отношение к концепции воспитания детей в семье, предложенной Макаренко, со стороны педагогов-теоретиков.

В настоящей работе сделана попытка представить факты связанные с возникновением замысла *Книги для родителей*, историей ее публикации, спорах после выхода книги, а именно в историческом и биографическом контексте.

Источники, ставшие известными в последние годы, указывают на то, что по крайней мере до начала 30-х годов Макаренко относился критически, даже отрицательно к комплексу проблем «семья/воспитание в семье». Так, его брат Виталий свидетельствует, что А. С. Макаренко уже в юношеском возрасте (примерно 1907-1908) был настроен к институту семьи резко враждебно. В ней он видел «пережиток рабовладельческих времен» и уверял своего коллегу по работе Д. И. Григоровича, что сам никогда не захочет заводить семью и детей⁵.

В 1929 году в рецензии на материалы к «пораднику» для комиссий УССР по делам несовершеннолетних правонарушителей Макаренко критически отмечает, что «от всех материалов [...] остается впечатление некоторого фетишизма семьи»⁶. А в статье о функциях детдома в социалистическом обществе, написанной, вероятно, в конце 1929-начале 1930 гг., Макаренко выступает за развертывание сети детдомов, предлагает возобновить дискуссию о методике работы в них. И это как раз в тот момент, когда на Украине детдома предназначались только для сирот и тем самым, как пишет Макаренко, «есть нечто вымирающее». На фоне начавшегося в годы первой пятилетки массового вовлечения женщин в процесс производства Макаренко называет детский дом, «и только детский дом», «будущей формой советского воспитания», так как он «дает ребенку несравненно больше того, что способна дать самая лучшая семья», и, кроме того, значительно удешевляет содержание детей. А так как «не может быть социалистического общества без общественного воспитания», то «именно детскому дому принадлежит советское педагогическое будущее»⁷.

Также и в работе *Беспризорность и борьба с ней*, возникшей в начале 1931 г., Макаренко отдает предпочтение воспитанию детей в детдомах силами профессиональных педагогов перед «неквалифицированным» семейным воспитанием:

«Уже и теперь очень активно перед всеми нами встал вопрос о новом быте, а новый быт первым делом требует лишить семью права прибегать к кустарному воспитанию ребенка.»

«Никогда женщина не будет полностью свободна там, где семья подменяет педагогическое заведение.»⁸

И еще в 1934 году в официальном письме в Совнарком УССР («Объяснительная записка к проекту организации трудового детского корпуса») Макаренко, анализируя причины беспризорности, констатирует «распад семьи»:

«Наш теперешний беспризорный — это не продукт классового распада, а продукт распада семьи. Семья распадается теперь гораздо больше, чем раньше. Причин тому много: более свободная форма семьи, отсутствие принудительного жительства, более напряженное движение человека в обществе, большая загруженность отца и матери работой, отход женщины от семейной ограниченности, материальные и прочие формы противоречий.»⁹

2. Непосредственный повод

Причину неожиданного — на первый взгляд — решения Макаренко написать *Книгу для родителей* (далее: *КДР*) следует искать в тесной связи этого желания с радикальными изменениями в социальной политике страны, произошедшими в 1935-1936 гг. Изменения эти закончили процесс, который можно было наблюдать с начала 30-х гг., — процесс, в ходе которого семье были возвращены ее права и обязанности в том, что касалось воспитания детей.

После пропагандистской кампании, развернутой в газетах с июня 1935 г. и воспевавшей «напряженность и обязанности семейной жизни»¹⁰, правительственный орган печати *Известия* публикует 26 мая 1936 г. проект постановления ЦИК и СНК Союза ССР. В нем предусмотрен запрет аборт (единственное исключение: медицинское показание), оказание помощи многодетным матерям, расширение сети родильных домов, яслей и детсадов, усиление уголовного наказания за неплатеж алиментов, а также некоторые изменения в законодательстве о разводах. Редакция *Известий* призвала читателей присылать свои мнения об этом постановлении или отдельных его параграфах¹¹.

Постановление вступило в силу уже через месяц — 27 июня 1936 г.¹². В это время Макаренко при поддержке своей жены стал собирать материал для книги, которая должна была научить родителей воспитывать своих детей «правильно».

У самого Макаренко не было детей, но в его доме росло двое подростков, которых он «воспитал как своих»¹³: Лев Михайлович Салько (род. 1914), сын его жены от ее первого брака, и Олимпиада Витальевна Макаренко (род. 1920), дочь его брата, эмигрировавшего во Францию. И хотя тем самым Макаренко как «глава семейства» обладал, конечно, соответствующим опытом, наверное, без вышеупомянутого побудительного мотива (дискуссия о семье и т.п.) он едва ли стал бы заниматься вопросами воспитания в семье столь интенсивно.

Позже, в докладах 1938-1939 гг., он объяснял свой интерес к этому одним обстоятельством — в трудовых колониях Украины, в аппарате управления которыми он работал в свое время, ему все чаще приходилось иметь дело с детьми семейными, имеющими — как он рассказал 9 марта 1939 г. студентам Харьковского пединститута — «папу и маму, но за 'хорошее' поведение осужденных на три-четыре года»¹⁴. Таких случаев тогда становилось все больше еще и потому, что на основании постановления ЦИК и СНК Союза ССР «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» от 7 апреля 1935 г. уголовную ответственность за преступления несли дети, начиная уже с 12 лет. Так, на встрече с читателями *КДР* (9 мая 1938 г.) Макаренко сказал:

«Товарищи, никогда я не думал раньше, что мне придется писать *Книгу для родителей*, так как сам я не родитель, детей собственных у меня нет, и никогда вопросами семейного воспитания, мне казалось, я заниматься не буду. Но по своей работе в трудовых колониях и в коммунах за последние годы мне приходилось получать детей от родителей, правонарушителей, преступных детей, уже не беспризорных, а главным образом из семей.»¹⁵

С фактами, что Макаренко до начала 30-х годов относился критически к семье и что его решение написать *КДР* было обусловлено временем, советское макаренковедение до наших дней мирится с трудом. Об этом свидетельствует не только воспроизведение вышеназванных высказываний — т.е. их умолчание или искажение — в изданиях собраний сочинений педагога, а также подход к теме «А. С. Макаренко о воспитании детей в семье» в литературе. Так, в новейшей соответствующей публикации авторы утверждают, что *КДР* «задумывалась и готовилась А. С. Макаренко исподволь, на протяжении ряда лет, еще в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского»¹⁶.

3. Как он начал писать книгу

К работе над *КДР* Макаренко приступил, с большой степенью вероятности, сразу после опубликования проекта постановления «О запрещении абортов...» и его окончательного текста, так как уже 27 июля 1936 г. на встрече с читателями и критиками *Педагогической поэмы* в Московском доме писателей он упомянул свой новый проект:

«Сейчас назрела необходимость выпустить книгу 'для родителей'. Слишком много материала и слишком много уже есть законов советской педагогики, об этом надо писать. Такая книга будет у меня готова к 15 октября, уже и редактор есть.»¹⁷

Совершенно очевидно, что Макаренко удалось во время этой своей поездки в Москву получить себе в редакторы будущей книги писателя П. Павленко, который был ранее ответственным редактором того выпуска горьковского *Альманаха*, где вышла 3-я часть *Педагогической поэмы*¹⁸. Во всяком случае, 11 сентября 1936 г. *Литературная газета* сообщает, что «писатель А. Макаренко закончил *Книгу для родителей*» и что редакция *Альманаха* эту работу «приняла к печати»¹⁹. Можно предположить, что автором данной газетной информации о творческих планах Макаренко был сам Макаренко²⁰.

Недавно стало известно, что редакция *Альманаха* заключила с Макаренко договор о подготовке к печати труда под условным названием *Отцы и дети* уже 9 июля 1936 г.²¹ — т.е. спустя лишь 12 дней после вступления в силу правительственного постановления. А 20 июля он писал заведующей редакцией *Альманаха* Е. М. Коростеловой: «*Книгу для родителей* напишу в срок. Честное слово.»²² Впрочем, в данном случае речь идет о первом варианте будущего названия произведения.

Но при всем этом для Макаренко семейное воспитание явно не единственная и даже не основная тема его последующей педагогическо-писательской деятельности. «Коммунистическое воспитание» — вот его тема, пожалуй, его главный интерес.

После окончания *Педагогической поэмы* Макаренко работал сначала (6 октября 1935-18 февраля 1936 гг.) над романом, тоже для *Альманаха*, о воспитании взрослых — «воспитание кадров из второсортного материала», в соответствии со сталинским лозунгом «Кадры решают все» (рабочие названия: «Дураки», «Чудаки»)²³, потом — последовав совету

жены²⁴ — запланировал «фундаментальный научный труд о принципах нашей воспитательной работы», под заголовком *Мальчики*. Об этом он сообщил в начале-середине мая 1936 г. на заседании Русской секции Союза советских писателей Украины, посвященном его творчеству²⁵.

Именно по коммунистическому воспитанию Макаренко — воодушевленный постановлением ЦК ВК(б) «О педагогических извращениях в системе наркомпросов», опубликованном 5 июля 1936 г. в *Правде* — хотел создать *Методику*. 14 июля он направил своему начальству в НКВД Украины заявление об уходе, где однозначно объяснил это свое настоятельное желание необходимостью работать над книгой такого рода²⁶.

И наряду с этим Макаренко хочет осуществить одну свою старую идею (что вообще-то непросто соединить с замыслом написать книгу советов для родителей) — открыть интернат для детей как раз из благополучных семей! Еще во время пребывания в Москве (конец июля/начало августа 1936 г.) он письменно обращается в недавно образованный «Совет жен писателей» в Союзе советских писателей (ССП) и предлагает организовать «лесную школу» или трудовую колонию для детей писателей, в которой «наряду с вопросами образования должны быть хорошо разрешены все вопросы воспитания характера и физического воспитания»: «Ведь всем известно, что в этих как раз областях в нашей семье, даже культурной, не всегда умеют дать детям то, что нужно.»²⁷ С другой стороны, примерно в то же время Макаренко в письме-отклике на проект новой (Сталинской) конституции СССР в украинской *Літературна газета* отмечает, что «в Конституции, в главе X, должно быть сказано о семье. Семья в социалистическом обществе является первичной ячейкой, и эта ячейка должна быть социалистической.»²⁸

4. Работа над рукописью и печатание книги

И все же к сроку, оговоренному в условиях — 15 октября 1936 — Макаренко представляет в редакцию *Альманаха* не готовую рукопись всей *КДР*, а лишь «начало» произведения с подзаголовком «Очерк»²⁹. Это следует из письма П. Павленко от 24 ноября 1936 г., в котором тот, прочитав рукопись, призывает Макаренко работать над нею дальше. «Вы начали книгу, великое народное значение которой во много раз превосходит *Педагогическую поэму* [...]» Павленко предсказывает *КДР* успех «большой, чем *Поэме*, даже если учесть, что *Поэма* еще только начинает иметь успех»³⁰.

Для общественности в то же самое время Макаренко (как это случилось и в вышеупомянутой газетной информации) утверждает, что *КДР* уже закончена. Так 25 октября 1936 г., выступая перед рабочими Первого московского подшипникового завода им. Кагановича, он сказал, что эта книга «печатается сейчас в Москве»³¹. И 14 декабря 1936 г. на вечере, посвященном его творчеству, в Ленинградском доме писателя он также информировал о том, что *КДР* «уже подготовлена к печати» и что «сейчас он работает над третьей книгой»³².

Но хотя бы только из-за тех многочисленных обязанностей, которые были в это время у Макаренко в Киеве и Броварах (временное руко-

водство колонией), он смог возобновить работу над *КДР* лишь с февраля 1937 г., когда переехал в Москву. Однако еще из Киева 20 декабря 1936 г. он посылает в редакцию *Альманаха* телеграмму: «прошу выдать мне четыре тысячи рублей в счет последнего договора рукопись обязуюсь представить к 15 января 1937 года». На бланке телеграммы написан следующий комментарий: «Прошу выдать: т. Макаренко кончает большую новую работу для *Альманаха*. П. Павленко.»³³

И уже в Москве Макаренко заключил договоры о публикации *КДР* отдельными изданиями: 9 марта 1937 г. с госиздатом Художественная Литература об издании на русском языке и 15 марта с киевским издательством Державне Литературне Видавництво об украинском переводе. Срок сдачи рукописи — максимальный объем ее 20 печатных листов — назначен соответственно на 13 и 15 августа 1937 г.³⁴

В середине мая 1937 г. в письме к своему харьковскому другу К. С. Кононенко он пишет о состоянии работы над рукописью: «Книгу для родителей домучил до семи печатных листов и затормозился, сам не знаю, почему, просто стал и все. Писать ее хочется, но как-то нет времени.»³⁵

«20 мая. [...] *Альманах* бузит по поводу *Книги для родителей*. 21 мая. [...] Вечером приступил к *КДР*. 22 мая. Целый день работал над *КДР*. Перепечатал один печатный лист. [...] 27 мая. Целое утро перепечатывал *КДР* и почти кончил. [...] 29 мая. [...] работал над *КДР*. — Четвертая глава. [...] 31 мая. [...] Целый день исправлял текст [...].»³⁶

Эти записки в дневнике Макаренко свидетельствуют о короткой, но интенсивной фазе в работе над рукописью *КДР*. В то же самое время он вступил в отношения с редакциями московских журналов, которым уступил права первой публикации. А приобрести их хотели, кроме *Альманаха*, также *Красная новь* и *Октябрь*. (Оба журнала были органами ССП).

Чтобы продолжить работу над *КДР*, в начале июня 1937 г. Макаренко уезжает в деревню недалеко от Киева. Об этом в дневнике было отмечено: «8-29 июня. Дубечня. Написал от 6-го до 12 листа включительно — 7 печатных листов *КДР*. Работалось хорошо. Никто не мешал.»

Появившуюся в результате рукопись он отдает для публикации, однако не в *Альманах* и не в *Октябрь*, а в *Красную новь*, где уже с июльского номера и начинают печатать *КДР* (гл. 1-4). Тот факт, что это решение было принято, так сказать, в последний момент, следует из обстоятельств печатания: в июньском номере *Красной нови*, в анонсе на второе полугодие 1937 г., произведение Макаренко не объявлено³⁷.

Почему решение было принято в пользу *Красной нови*, этот вопрос пока еще не решен окончательно. С одной стороны, причиной изменения первоначального намерения Макаренко можно считать его знакомство с одним из членов редколлегии этого журнала, с писателем А. Фадеевым. С ним Макаренко был связан по работе в московской организации ССП (Фадеев, который входил в редколлегию *Альманаха*, — состав ее образовался еще Горьким, — был после ее роспуска летом 1937 г. «освобожден»)³⁸. Но, с другой стороны, из записки в дневнике Макаренко можно заключить, что это дело решил не он сам, а некий Накоряков: «25 мая. [...] Был у Накорякова по поводу *КДР*. Условились, что я дам ему к 1-му

то, что будет написано, а он решит, пускать ли в *Кр. нови* или в *Альманахе*.» И уже 29 мая Макаренко «оставил у Ермилова [т.е. в редакции *Красной нови* — Г. Х.] четыре листа *КДР*».

Некоторые другие записи в его дневнике свидетельствуют о дальнейшей работе над *КДР*:

«1-19 июля. [...] Седьмую главу начал 3-4 июля в карандаше, но не понравилось, бросил. Начал ее перепечатывать и написал новеллу о Любе Гореловой только 18 июля. Правда, по замечаниям *Красной нови* три дня просидел над 5 и 6 главами *КДР*, много исправил и улучшил, наново написал повесть о Кетовых (Виктор). [...] 20-24 июля. Закончил повесть о Александре Волгине.»

Заключительные главы 8 и 9 Макаренко удалось писать до середины сентября 1937 г., а еще 10 июля и 8 августа он зарегистрировал в своем дневнике получение первого гонорара из *Красной нови* за *КДР* (гл. 1-4) — всего 5 180 рублей.

Отрывки из рукописи *КДР* были опубликованы 20 июля в *Литературной газете* и 5 августа в вечерней газете г. Сталино в *Донбассе Сталинский рабочий*. Во вступительном слове к публикации в *Литгазете* (под названием «В семье Веткиных. Из Книги для родителей») Макаренко сказал:

«*Книга для родителей* — это отнюдь не методика семейного воспитания. Ее цель — привлечь внимание родителей к узловым вопросам семьи. Такими вопросами являются: отличие новой семьи от старой, проблемы дисциплины и родительского авторитета, единство семьи как коллектива, целостность и крепость семьи и т.д. Эти вопросы освещаются в отдельных главах книги, состоящих из прямых указаний и выводов и иллюстрирующих новелл, рассказов и повестей.[...]»

КДР печаталась в 1937 г. с 7 по 10 номера *Красной нови* (тираж: 35 000 экз.). 10 номер, в котором напечатана с пометкой «конец первого тома» 9 глава, сдан в набор 16 сентября и вышел из печати в конце октября или в начале ноября. Уже 25 сентября сдано в набор и книжное издание *КДР*, которое вскоре после завершения публикации в *Красной нови* выходит в издательстве Художественная Литература в ноябре 1937 г. (тираж: 10 000 экз.).

Это издание — его текст по сравнению с журнальной публикацией слегка сокращен и в некоторых местах изменен — снабжено примечанием, которое сохраняется во всех последующих переизданиях произведения: «*Книга для родителей* написана мною в сотрудничестве с моей женой Галиной Стахивной Макаренко. А. Макаренко.»³⁹ Украинский перевод *КДР* в соответствии с договором также был запущен вскоре — 20 марта 1938 г. — в производство. Но это издание вышло в Киеве лишь весной 1940 г.

Как Макаренко пишет в конце произведения и позже повторяет это в своих докладах, он хотел изобразить в первом томе *КДР* структуру и повседневную жизнь семьи как коллектива. Для этого он выбирает определенные ситуации и на примерах, каждый из которых является законченной новеллой, показывает неверное и правильное поведение. В *КДР* обсуждаются, среди прочего, следующие проблемы: семья как хозяйствен-

ный коллектив, разделение обязанностей в семье, роли отца и матери, авторитет родителей и дисциплина детей, половое воспитание, многодетная семья, единственный ребенок, мать-одиночка⁴⁰.

Рассматривающий семью в первую очередь как коллектив, Макаренко отличается от авторов других публикаций в СССР о воспитании детей в семье, которые ограничиваются полезными советами родителям об использовании быта, домашнего труда в воспитании детей младшего возраста, на вопросы санитарии и гигиены, игр детей, воспитательной роли книг и кино, — напр.: сборник лекций А. Ф. Евстигнеева-Белякова *Семейный быт и дети* (М., 1927) или книга Е. А. Аркина *О некоторых вопросах воспитания детей. Переписка с родителями* (вып. 1 и 2, М., 1933, 1935)⁴¹.

В *КДР* Макаренко приписывает семье решающую роль в процессе воспитания, ничего не говоря об отношении семьи к школе. Но еще в октябре 1935 г. в направленной Горькому рукописи «Некоторые соображения о школе и наших детях» он — в полном согласии с политикой партии и правительства — провозглашал право школьного коллектива «контролировать семью со стороны ее воспитательной деятельности» и даже осуществлять репрессии «по отношению к семье, не выполняющей своих воспитательных функций»⁴².

С художественной точки зрения *КДР*, как почти все другие произведения Макаренко, не представляет собой жанрового единства. Она не является учебником семейного воспитания, а заключает в себе рассказы, очерки и заметки с соответствующими замечаниями и выводами. Рассказы книги — дидактические рассказы, при этом педагогический элемент преобладает над художественным. Вследствие этого *КДР* относится к традиционному жанру педагогического романа-трактата (*Эмиль Ж.-Ж. Руссо, Линггард и Гертруд и Как Гертруд учит своих детей* И. Г. Песталоцци).

5. Восприятие Книги (критиками и педагогами)

На журнальный вариант и отдельное издание *КДР* известно всего одиннадцать откликов, которые появились в период с декабря 1937 г. по июль 1938 г. Среди них два опубликованы в женском⁴³ и литературно-художественном⁴⁴ журналах, которые рекомендуют *Книгу* своим читателям, а также два других, написанные педагогами-практиками. В последних — при в целом позитивной оценке идеи книги и факта ее появления — довольно много критики по поводу существования *КДР*⁴⁵. Особого внимания заслуживают шесть рецензий; из них пять появилось в литературных журналах и одна — обзор литературных произведений — помещена в газете.

В единственной пока в советском макаренковедении работе, в которой есть ссылки — правда, их немного — на восприятие *КДР* современниками Макаренко, цитируются в большинстве случаев положительные отзывы читателей на нее. Из одиннадцати рецензий, анализируемых в данной работе, называются и подкрепляются библиографически лишь

четыре. При этом отмечается, что «в оценке *Книги для родителей* критикой были допущены и ошибки»⁴⁶.

Некоторые другие ссылки на восприятие *КДР* современниками содержит комментарий к ее тексту в новом восьмитомнике *Педагогических сочинений* Макаренко (т. 5, 1985 г.). При этом цитируются — за единственным исключением — положительные отклики и соответствующее место в комментарии снабжено шапкой: «*Книга для родителей* была с одобрением встречена советской общественностью»⁴⁷.

Первый отзыв на *КДР* был написан известным писателем и литературоведом В. Шкловским. Его рецензия вышла 20 декабря 1937 г. в *Литгазете*, органе правления ССП⁴⁸. Шкловский, который называет произведение «литературным инструктажем» для родителей, отзывается о ее проблематике и отдельных местах книги (например, о половом воспитании) положительно. Так он считает, что *КДР* «очень неравномерна», что она не предлагает «ничего нового», поскольку «в ней нет той свежести художественного восприятия, которое имеет художник в минуту вдохновения». Но в произведении, по мнению Шкловского, есть «места такой писательской удачи», которые «не превращают *Книгу* в обычную беллетристику».

Второй отзыв о *КДР* появился 5 февраля 1938 г. в *Известиях*. Он содержался в обзоре литературных произведений, напечатанных *Красной новью* в прошедшем году⁴⁹. Автор обзора — поэтесса А. Адалис — очень критически отзывалась об этих публикациях. Относительно произведения Макаренко в ее обзоре с настойчивой ссылкой на критику *Книги* Шкловским сказано: редакция непростительным образом упустила возможность отшлифовать «мысль и публицистическое содержание» этих «интересных, но непродуманных до конца черновых записей». Далее там говорится, что Макаренко

«не учитывает многообразной сложности живого быта, не охватывает и малой части возникающих бытовых вопросов и поэтому его ответы на многие очередные вопросы оказываются наивными и идеалистически абстрактными».

На ее обвинения Макаренко среагировал очень быстро. Уже через неделю, 12 февраля, *Комсомольская правда* опубликовала подробную статью-ответ на обзор Адалис. Написана она была самим Макаренко⁵⁰, но подписались под ней также его коллеги — писатели А. Караваева и А. Эрлих. Называлась она «Клевета на молодого писателя»⁵¹ и в ней защищался В. Панов — автор, которого А. Адалис в своем обзоре критиковала среди других. Его повесть «На севере» об одном из «трудлагерей» НКВД была названа ею «бездарнейшим произведением», которое «могло бы появиться в любом западном буржуазном журнале в качестве очередной развесистой клюквы на тему о Советском Севере и очередной клеветы на советских людей».

Опровергая обвинения А. Адалис, — в то время они могли стоить автору жизни, — Макаренко приходит к такому выводу: «Если бы он даже был бездарен, то нельзя же расправляться с ним при помощи самой обыкновенной клеветы». Макаренко ни словом не отреагировал на критику А. Адалис в адрес *КДР*, высказанную в том обзоре. Но косвенным

образом он своим ответом дал понять, что не признает А. Адалис компетентной в анализе прозы⁵².

Следующая рецензия появилась в начале марта 1938 г. в ленинградском журнале *Звезда*. Ее автор — писатель Н. Жданов, он же автор рецензии и на *Педагогическую поэму*⁵³ — в целом положительно оценивает *КДР*⁵⁴. Он называет произведение, которое, по его мнению, «очень ценно и со стороны художественной и со стороны непосредственно-педагогической», «своего рода педагогическим трактатом о воспитании в семье». Главную заслугу автора Жданов видит в том, что «он обращается в решении своей темы к обыденной будничной жизни трудовых семей». Однако «одним из самых существенных недостатков книги Макаренко» является то, что в ней почти полностью отсутствует «влияние общественной жизни» как «один из самых решающих факторов воспитания», формирующих сознание ребенка.

«Воспитательная работа в нашем советском обществе не может ограничиваться привитием правил поведения, удовлетворяющих семейно-бытовые требования. [...] Нельзя сказать, чтобы Макаренко не понимал этого или не отдавал себе отчета в важности гражданского воспитания. Наоборот, в нескольких местах книги он довольно ясно говорит об этом, и однако же в целом центр тяжести произведения лежит в другой плоскости — чисто-семейного воспитания.»

В конце своей статьи Жданов пишет:

«Книга Макаренко — одно из первых произведений в этой области. Оно написано человеком, пристально всматривающимся в жизнь советских семей, человеком, обладающим большим педагогическим опытом и литературным талантом. В формировании советской семейной культуры книга Макаренко сыграет, несомненно, полезную роль.»

Исключительно положительна рецензия психолога В. Колбановского, напечатанная в начале-середине марта 1938 г. в *Красной нови* (sic!) под заголовком «Поучительная книга»⁵⁵. Этим же автором для *Красной нови* были написаны и опубликованы уже в 1935 г. (n° 10) и 1936 (n° 6) две объемные статьи о *Педагогической поэме*, где он среди прочего защищал Макаренко от серьезных и опасных обвинений литератора М. Бочачера⁵⁶. Опубликованные за последние годы документы свидетельствуют, что ко времени написания *КДР* Макаренко и Колбановский уже были дружны, что последний даже участвовал в редакционной переработке (для книжного издания?) рукописи этого произведения⁵⁷. Поэтому вполне можно исходить из того, что, работая над статьей в защиту начинающего писателя В. Панова, Макаренко уже знал материал Колбановского, который был опубликован лишь несколько недель спустя.

В начале отзыва автор напоминает о реакции читателей на *Педагогическую поэму* (вышла в 1933-1935 гг.):

«Педагоги-практики и в особенности педагогическая молодежь приняли это произведение не только как литературное явление. Они рассматривали его как ценный вклад в педагогическую науку, как книгу, которая со временем займет видное место наряду с другими знаменитыми произведениями в истории мировой педагогики. Нашлась только небольшая группа людей, которая отнеслась к этой

книге более чем прохладно. Это враги народа, сумевшие пробраться к руководству советского педагогического фронта.»

Косвенным образом Колбановский намекает на М. Бочачера, которого он по ошибке принял за «одну из бывших руководительниц крупнейшего пединститута». Она

«сделала наглую попытку дезориентировать советское общественное мнение посредством вздорной и глубоко невежественной статьи под залихватским заголовком 'Антипедагогическая поэма'. Эта глубоко враждебная вылазка окончилась позорным провалом ее инициатора. Советская общественность подняла на щит *Педагогическую поэму* Макаренко. К большому сожалению до настоящего времени педагогическая пресса не уделяла ей внимания. *Педагогическая поэма* выходит новыми изданиями. Круг ее читателей все более расширяется. Положительное влияние книги заметно растет. А теоретики советской педагогики... молчат.»

Относительно темы новой книги Макаренко Колбановский пишет следующее:

«[...] теоретики советской педагогики, среди которых было немало 'леваков', забросили эту область, полагая, по всей вероятности, что семья 'отмирает', а следовательно, и ломать голову над этим вопросом не стоит.»

И далее:

«Большая заслуга А. Макаренко заключается в том, что он своей новой *Книгой для родителей* положил начало созданию необходимой нам педагогики социалистической семьи.»

«Автор *Книги для родителей* — один из замечательных мастеров советской педагогики. Правда, он не написал ни одного теоретического руководства по педагогике, ни одного учебного пособия. Зато он с большим умением использовал свой талант беллетриста для того, чтобы через новеллы новой книги довести до широкого круга читателей нужные и чрезвычайно актуальные педагогические идеи в наиболее доступной и увлекательной форме.»

Как в свое время и Шкловский, Колбановский особо выделяет «мысли Макаренко о половом воспитании» — это «самое свежее, ценное и действенное из всего того, что мы можем извлечь в советской педагогической литературе по данному вопросу».

В конце своей рецензии автор пишет:

«Макаренко создал книгу исключительного общественного значения. *Книга для родителей* заполняет существенный пробел в педагогике. Больше того, она начинает построение рациональной педагогики социалистической семьи. В этой книге впервые обнажены и вскрыты с замечательной правдивостью внутренние пружины семейных успехов и неудач и развернута жизненная диалектика семейного воспитания.»

Это произведение «является проводником социализма в быт трудящихся, в семью, в область личных, интимнейших отношений людей».

Почти одновременно с этой, можно сказать, ура-положительной рецензией Колбановского появилось два отзыва педагогов-теоретиков. Один был напечатан в литературно-художественном журнале, другой — в педагогическом. Авторы отзывов подошли к *КДР* очень критически. Основные клише этой критики есть уже в некоторых рецензиях на *Педагогическую поэму*.

В одной из этих статей (под заголовком «Заметки педагога» в московском журнале *Литературный критик*) ее автор, специалист по вопросам школьной гигиены С. Советов⁵⁸, пишет, что признает необходимость издавать такого рода книги в помощь родителям. В *КДР* этот ученый видит «пробу дать педагогическое пособие для родителей в художественном изложении». Однако С. Советов отмечает в произведении многочисленные недостатки. Самый главный — отсутствие справедливой оценки «громадной роли школы в деле воспитания и обучения нашей замечательной молодежи». Этот свой упрек он усиливает соответствующей цитатой из принятой на VIII съезде в 1919 году программы ВКП(б). Макаренко, можно там прочесть, не только замалчивает «основную ведущую роль [...] нашей советской школы», но и не упоминает в книге «основного руководителя воспитания ребенка» — учителя.

Дополнительные недостатки *КДР* Советов видит в выборе примеров. Некоторые из них «явно патологического характера, которые скорее могут быть отнесены к компетенции психиатра, чем педагога», другие тоже неудачны, так как не имеют ничего общего с «нашей советской семьей», являются примерами отношения в «пошлой, буржуазной семейке». И наконец — Макаренко «прошел мимо таких важных разделов коммунистического воспитания, как любви к родине, к партии Ленина-Сталина, вождям нашей страны, как интернациональное, антирелигиозное воспитание, воспитание любви к природе и т.п.».

А в оценке педагогических принципов, лежащих в основе отдельных эпизодов книги, этот автор особенно сильно критикует Макаренко за его отрицательное отношение к семьям лишь с одним ребенком. Это, считает Советов, «антинаучная, педологическая позиция», как так «даже в тех семьях, в которых в силу каких-либо обстоятельств единственный ребенок остается с матерью, совсем не исключено хорошее советское воспитание»⁵⁹. Далее критикует и за абсолютизацию значения «общего тона» в воспитательном процессе: «необходимы и элементарные педагогические знания, которыми должны овладеть все родители».

В конце своей статьи Советов обращается «и к товарищу Макаренко и ко всем товарищам писателям» с просьбой: «давайте работать вместе над педагогическими вопросами, пишите повести и романы о замечательных наших детях и их учителях — героях педагогического труда», не стоит пугаться при этом трудностей и ошибок, и в таких случаях не отвергать помощь.

«Делу коммунистического воспитания повседневно помогает вся наша страна, партия, наш учитель товарищ Сталин. Советская общественность ждет от писателя повестей и романов о наших детях, об их воспитании.»

Еще более критическую позицию по отношению к *КДР* занимает Н. П. Стороженко в своей статье «Вредные советы родителям о воспитании детей». Она появилась в основанном в 1937 году журнале *Советская педагогика* — органе Наркомпроса РСФСР⁶⁰. Как и Советов, этот автор критикует Макаренко за изолированное рассмотрение семьи, за его пренебрежение к «ведущей роли», которая принадлежит в деле воспитания подрастающего поколения школе. «Воспитание в семье должно дополнять школу, помогать ей осуществлять задачу подготовки всесторонне развитых, преданных строителей социализма.»

«Вызывающим недоумение», однако, является и отношение Макаренко к педагогике и педагогам, когда он — в истории о том, как один профессор педагогики не смог справиться с воспитанием собственного сына, — хочет доказать: лучшие дети вырастают в тех семьях, где родители не имеют ни малейшего понятия о педагогической науке и полагаются «на здравый смысл и житейскую мудрость». Правда, признает автор, педагогическая наука действительно «очень мало» занимается вопросами семейного воспитания; но «все остальное» в отношении Макаренко к этой истории — «грубый, ничем не оправданный выпад против науки о детях — педагогики, против учителей, против педагогических училищ и вузов». «Пренебрежительное, саркастическое отношение автора к педагогике» пронизывает всю книгу. «Макаренко любыми средствами стремится унижить педагогику, используя для этого не только вымысел, но и цинизм.»

И Стороженко цитирует приведенное выше место из программы ВКП(б) и отсюда делает вывод, «что школа должна влиять на воспитание детей в семье, что семейное воспитание немыслимо в отрыве от целей и задач советской школы». Макаренко же «отрывает семейное воспитание от школьного воспитания».

Кроме того, Стороженко критикует Макаренко за то, что тот

«не признает никаких из уже установившихся принципов педагогики. Все они 'разбиваются' как несостоятельные и ничего не дающие в семейном воспитании. [...] Он устанавливает новые 'закономерности' не только в семейном воспитании, но и в социальной, культурной жизни.»

И одну из этих «закономерностей» («Может быть, все провалы воспитания можно свести к одной формуле: 'воспитание жадности'»; «Макаренко противопоставляет этим порокам 'знание о пределах жадности'») Стороженко интерпретирует следующим образом:

«Это значит, что растущие потребности, стремления детей надо сдерживать, нормировать, что каждому стремлению надо устанавливать предел, в этом он [Макаренко] видит основной принцип воспитания. И не случайно вся книга пестрит примерами ограничения потребностей, интереса и стремления детей.»

По поводу случая грубого поведения, проведенного Макаренко в *КДР*, Стороженко пишет следующее:

«Этим примером автор подкрепляет свою принципиальную позицию, заключающуюся в том, что ни в одном конкретном случае нельзя указать, как надо

воспитывать ребенка, что родителям можно только дать 'отправные позиции для собственного педагогического мышления'».

Этому подходу противопоставляется другой: «[...] советский педагог выяснит в таком случае обстоятельства, способствовавшие проступку ребенка, и даст советы родителю как надо дальше поступать, чтобы исправить и предупредить такие проступки [...]».

Но самым серьезным в критике Стороженко является один «аргумент» — его ссылка на антипедагогическое постановление ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г., кстати, одобренное в свое время Макаренко:

«В свете этого решения *Книга для родителей* Макаренко является попыткой оспорить права педагогики в семейном воспитании, опорочить учителя и советскую школу, попыткой, вредной для дела воспитания. Макаренко выступает с уже осужденных, старых, разбитых позиций, используя для этого фронт художественной литературы. Мы надеемся, что читатель быстро разберется в его 'теориях', сумеет за напыщенными псевдореволюционными фразами разглядеть подлинную сущность содержания его книги.»

В конце статьи Стороженко высказывается и о литературной стороне *КДР*:

«Это — сборник всевозможных зарисовок, заметок, рассказов, очерков, реплик, замечаний, связанных между собой общей темой и публицистическими полемическими рассуждениями автора.»

«Форма подачи материала, его организация и средства изображения соответствуют содержанию *Книги для родителей*. Они едины в своей неорганизованности, бесформенности, в несоответствии с реальной действительностью.»

Макаренко узнал об этой статье от Колбановского. Пометки в его дневнике свидетельствуют, насколько сильно беспокоила его данная рецензия:

«12-IV-38. [...] В журнале *Советская педагогика* какой-то профессор написал погромную статью о *Книге для родителей*. Я не читал, звонил Колбановский неделю назад, но с тех пор и он молчит, — не сдрейфил ли?»

15-IV-38. Статью Стороженко в *Советской педагогике* читал. Злобно, мелко, не скрываясь враждебно. Надо писать ответ. Где печатать, у Ермилова [*Красная новь* — Г.Х.]? [...] Вообще педагогическое одиночество продолжается, стоишь, как перед стеной. Статья в *С.П.* характерна как показатель наркомпросовских настроений. [...]

19-IV-38. [...] Колбановский говорит, что *Правда* ответ Стороженку будет печатать. Ермилов обещал печатать вторую.»

При обсуждении *КДР* в Научно-практическом институте специальных школ и детских домов НКП РСФСР (20 октября 1938 г.) В. И. Куфаев говорил:

«Эту книгу мы разбирали в стенах нашего института очень подробно и не с тех позиций, с каких разбирал эту книгу журнал *Советская педагогика*. Мы отнеслись с возмущением к рецензии Стороженко.»⁶¹

Во время лекции в Харьковском пединституте (9 марта 1939 г.) Макаренко сам возвратился к статье Стороженко:

«В одном московском журнале была напечатана статья 'Вредные советы родителям'. Вообще я не люблю читать критические статьи о моих произведениях, но это я прочел. Что там вредного, думаю. Может быть, плохо написано? Оказывается, что она вредна именно потому, что там ничего не говорится о школе; следовательно, книжка вредна. Я решил, что этот упрек не такой большой руки, и продолжаю писать *Книгу для родителей*, а о школе я не буду писать. Кто меня может заставить писать на все темы? И вообще писателю рекомендуется выбрать одну тему, а не двадцать, а о школе должны писать вы — педагоги, получающие педагогическое образование; у вас много мыслей, много чувств, хорошее отношение к школе, пишите!»⁶²

Наконец в начале июля 1938 г. появился еще один отзыв на *КДР* и опять-таки в литературно-критическом журнале — *Книга и пролетарская революция*. Его заголовок — «'Педагогический стиль' советской семьи». Написала рецензию литературный критик К. Лаврова⁶³, которая ранее писала и о *Педагогической поэме*⁶⁴.

«Основным и наиболее ценным» в книге Макаренко, «проникнутой трезвым, здоровым педагогическим оптимизмом», является по ее мнению,

«пропаганда нового морального сознания человека социалистического общества в наиболее косной и отягощенной предрассудками области, — в сфере семейных отношений, особенно в связи с такой первейшей важности проблемой, как воспитание молодого поколения, будущих творцов истории нашей страны, а значит, как правильно полагает писатель, — и истории мира.»

Критически же Лаврова высказывается по двум пунктам: 1) о проблеме единственного ребенка в семье, 2) о комплексе проблем по теме «развод и алименты». Относительно первого пункта: выводы Макаренко здесь «логически необязательны», предложенная им «панацея» (расширение семьи с целью создания коллектива) «направлена, как нам кажется, против воображаемого зла», следует больше «искать пути организации подлинно-социалистической семьи, независимо от числа детей». По поводу второго: рассуждение Макаренко является тут «столь же малоубедительным и ненадежным», он «обеднил, упростил и сузил проблему», а описанный им случай «не типичен для современной советской семьи и не имеет почвы [...] в нашем законодательстве», «самом гуманном и мудром законодательстве в мире».

В предыдущем номере журнала *Книга и пролетарская революция* (конец мая — начало июня 1938 г.) был напечатан «Разговор с читателем» Макаренко⁶⁵, где он сначала еще раз попытался объяснить, для чего писал *КДР*: «помочь советской семье в постановке и решении воспитательных задач, но я хотел, чтобы эта цель была достигнута художественными средствами», — прежде чем перейду к разбору читательских откликов. И здесь он спорит с Д. и Н. Пфляумерами, авторами отзыва на *КДР*, опубликованного в середине января 1938 г.⁶⁶. Очевидно, что других критических рецензий на его книгу Макаренко ко времени написания своей статьи (февраль-март 1938 г.) еще не знал⁶⁷. В статье Макаренко

пишет, что намерен использовать полученные от читателей письма для работы над вторым и третьим томами *КДР*. Он убежден, что тем самым книга станет «совершеннее».

Однако в отличие от *Педагогической поэмы* это произведение не достигло совершенства, и убедительное объяснение тому можно найти в воспоминаниях К. С. Кононенко. Там говорится, что

«летом 1936 года Антон Семенович начал писать *Книгу для родителей* на основании того большого материала, который он собирал для романа. Эта работа не увлекла его, я не видел того экстаза творчества, который приходилось наблюдать в момент создания *Поэмы*. Работа не удовлетворяла его потому, что каждая затрагиваемая им тема заслуживала того, чтобы развернуть ее до повести или даже романа. Создавая мозаику из этих эскизов, Антон Семенович своим богатым художественным чутьем не мог не сознавать неполноценность своего труда. Вдохновиться же на большую работу он психологически в то время не был способен. Все же эта работа принесла ему величайшее облегчение. Она дала ему оправдание жизни, наполнила ее ценным содержанием.»

6. О планах написать продолжение

Мысль написать продолжение *КДР* очевидно возникла во время работы над рукописью этого произведения. В конце опубликованного осенью 1937 г. варианта впервые речь идет о втором томе:

«В первом томе я успел затронуть только узловые вопросы, связанные со структурой советской семьи как коллектива. В дальнейшем рассчитываю перейти к вопросам духовной и материальной культуры семьи и эстетического воспитания. Было бы желательно, чтобы второй том был написан не только на основании моего личного опыта, но и на опыте других людей. [...]»⁶⁸

О тематике и планированных сроках представления рукописей следующих томов *КДР* Макаренко позже неоднократно говорил и во время своих выступлений, и перед корреспондентами газет.

Второй том должен был бы быть по первоначальному замыслу («Разговор с читателем», февраль-март 1938 г.) посвящен «вопросам воспитания активного, целеустремленного большевистского характера формирующегося молодого советского человека»; при этом Макаренко использует «для руководства общие принципы философии товарищей Ленина и Сталина», которые он хотел перевести «на язык семейного быта и семейного поведения»⁶⁹.

9 мая 1938 г. при обсуждении *КДР* на московском станкостроительном заводе им. С. Орджоникидзе Макаренко сказал, что «половина своего второго тома», который у него «сейчас закончен»⁷⁰, посвящается вопросу о том, что «воспитание человеческое предопределяется в младшем возрасте до пяти лет»⁷¹. Кроме того, в этом томе он приступает к теме — «как часто родители любят детей для себя»⁷². На просьбу слушателя, чтобы «как можно скорее выпустить вторую книгу»⁷³, Макаренко ответил: ее «вы прочтете, когда Гослитиздат издаст, а он не очень быстро издает: *Педагогическую поэму* полтора года издавал.»⁷⁴

22 июля 1938 г. на лекции о воспитании детей в редакции журнала *Общественница* Макаренко говорит, что во втором томе, который «все пишет, пишет», хочет выяснить, почему

«люди здравомыслящие, могущие работать, учиться, получившие высшее образование, значит, с нормальным разумом и способностями, часто общественники, которые могут руководить целым учреждением, ведомством, какой-нибудь фабрикой или каким-нибудь другим предприятием, которые умеют с очень разнообразными людьми поддерживать какие-то нормальные отношения — и товарищеские, и дружеские, и какие угодно, — почему они, столкнувшись со своим собственным сыном, делаются людьми, не способными разобраться в пустяке?»⁷⁵

В интервью *Вечерней Москве* от 28 сентября 1938 г. Макаренко более конкретно обозначает свои дальнейшие планы:

«А. С. Макаренко работает сейчас над вторым томом *Книги для родителей*. Тема этой книги — политическое и этическое воспитание молодежи.

— В эту книгу войдут десять повестей. Каждая из них, — говорит писатель, — посвящается отдельной теме — дисциплине, дружбе и другим проблемам социалистической морали — и будет представлять законченное художественное произведение. В конце книги будут помещены выводы — публицистическая часть книги. Я делаю это по требованию читателей. На первый том моей *Книги для родителей* я получил несколько сот отзывов. Читатели выдвинули передо мной ряд новых тем и проблем, которые я попытаюсь поднять в следующих томах моего произведения. Второй том я собираюсь закончить в этом году.»⁷⁶

В анкете *Литгазеты* о рабочих планах писателей (опубликована 10 февраля 1939 г.) Макаренко подтверждает, что «вторая часть этого романа посвящена политическому и нравственному воспитанию детей». Но относительно срока окончания работы над рукописью он говорит теперь: «я должен закончить эту часть романа к 1 мая: таковы мои обязательства перед редакцией журнала *Красная новь*.»⁷⁷

А 9 марта 1939 г. он рассказал харьковским студентам: «Сейчас я сдал в печать второй том, который говорит о нравственном и политическом воспитании в семье, главным образом; но приходится касаться и школы.»⁷⁸ Наконец, в некрологе на смерть Макаренко, напечатанном в журнале *Октябрь*, говорится: «Неожиданно оборвалась его жизнь на полном ее ходу, когда Антон Семенович, работая с утра до ночи, заканчивал вторую часть своей *Книги для родителей*.»⁷⁹

Том третий Макаренко хотел посвятить сначала (февраль-март 1938 г.) «вопросам потребления»⁸⁰, затем (интервью 28 сентября 1938 г.) — трудовому воспитанию и «выбору жизненного пути»⁸¹.

Том четвертый — о четырех томах речь зашла впервые лишь 9 мая 1938 г.⁸² — «вопросам счастья, вопросам советской эстетики» (28 сентября 1938 г.)⁸³, а также «эстетическому воспитанию молодого человека советской страны» (10 февраля 1939 г.)⁸⁴, или, как Макаренко сформулировал это 9 марта 1939 г.: «И четвертый том, самый для меня важный, на такую тему: как нужно воспитывать человека, чтобы он, хочешь — не хочешь, был счастливым человеком.»⁸⁵

7. В заколдованном круге договоров

Однако если заглянуть в дневник Макаренко, станет ясно, что все эти публичные высказывания о продолжении работы над *КДР* имеют под собой лишь вымыслы. Все они так или иначе «спровоцированы» вопросами слушателей, самой атмосферой выступлений и дискуссий. Даже второй том, о котором Макаренко говорил: «работаю и работаю над ним» (22 июля 1938), что он «у меня сейчас закончен» (9 мая 1938) и «теперь отдал его в печать» (9 марта 1939), не говоря уже о третьем, не был завершен, когда 1 апреля 1939 г. Макаренко внезапно скончался. В действительности же он, написав первый том, потом уже никогда не мог продолжить *КДР*.

26 сентября 1938 г. Макаренко составляет обзор «вперед работы». Наряду с пятью другими литературными проектами — выполнять которые он обязался соответствующими договорами с издательствами, редакциями журналов и киностудиями, — там имеется и такая запись: «*Книга для родителей* т. 2 — 15 п.л. 1.1. (1939 г.)». Эту большую программу реализовать однако не удалось, и уже 1 декабря 1938 г. Макаренко пересматривает свои планы. В новом годовом «графике» работы, рассчитанном на 365 рабочих (!) дней, он делает следующие расчеты относительно 2-го тома *КДР* (при этом уменьшает предусматривавшийся им ранее объем тома): «Для 10 п. листов требуется для плана 10 рабочих дней, для чернового текста 40 рабочих дней и для второго текста 14 рабочих дней. Итого 64 рабочих дня.» Теперь уже в ряду семи литературных проектов Макаренко передвигает *КДР* на последнюю позицию и пишет об этом: «Оттянуть сроки можно только для *Книги для родителей* [...]» В этот раз он планирует окончание рукописи на 1 декабря 1939 г.

Напряженное финансовое положение Макаренко тогда заставляло его заключать все новые и новые договоры, чтобы получать побольше авансов. Вероятно, из-за этого он должен был через несколько дней вновь пересмотреть свои рабочие планы, чтобы выполнить уже упоминавшееся обязательство — быстрее окончить *КДР*. В договоре от 19 декабря 1938 г. между Макаренко и редакцией *Красной нови* в лице А. А. Фадеева есть следующие конкретные сроки: объем — 18 листов, срок публикации — в течение 1939 года, представление рукописи (двумя частями) — не позже 1 апреля и 1 мая 1939 г.⁸⁶ 28 декабря Макаренко записал: «Заключил договор с *Красной новью* на II том *Книги для родителей*. А когда писать. Договоров, договоров!»

Из-за этого нового обязательства Макаренко откладывает другие свои работы и 12 января 1939 г. начинает готовить для 2-го тома «тёмник» — перечень материалов (писем читателей, отрывков из записных книжек), разбитых по темам тома⁸⁷. Но в его дневнике нет в течение следующих недель ничего о работе над *КДР*. Есть лишь цифра — сумма ожидаемых от редакции *Красной нови* авансов (17 и 25 января).

1 февраля — в этот день Макаренко узнал из *Правды* о своем награждении орденом Трудового Красного знамени по поводу *КДР* он,

перечисляя договорные сроки сдачи рукописей, записывает: «Аванс 4 500 получил. Начинаю писать II том 7 марта с расчетом закончить 18 апреля.»

С 6 по 12 марта 1939 г. Макаренко был в Харькове. Здесь во время одного доклада он сказал, что второй том *КДР* он «теперь отдал в печать». В действительности же он к тому времени писать второй том даже не начинал⁸⁸. А в оставшиеся ему три недели жизни он был занят другими работами.

Законченных глав для продолжения *КДР* в наследии Макаренко найдено не было. Обнаружили лишь подготовленные его женой материалы для дальнейшей работы над *Книгой*, которые при их публикации сначала по ошибке приписали самому Макаренко⁸⁹.

Как мало следов оставила *КДР* в советской педагогике, свидетельствует то обстоятельство, что в рамках серии статей в *Учительской газете* под лозунгом «Создадим книгу для родителей!» даже меньше, чем через год после смерти Макаренко, его одноименное произведение не было упомянуто ни словом. И это тем более странно, учитывая то обстоятельство, что автором первого материала был дружившим с Макаренко — писателем К. И. Чуковский⁹⁰. Переиздание *КДР* началось только с 1949 года, т.е. уже в период высшей стадии канонизации Макаренко как педагога.

8. Дальнейшее развитие

По оценке московских макаренковедов *КДР* является «выдающимся произведением советской и мировой литературы»⁹¹, она до сих пор переведена на 13 языков народов СССР, а за рубежом (в 21 стране, включая все «социалистические») на 25 языков⁹². Наибольшее число изданий пришлось на ГДР — там в период 1952-1977 гг. *КДР* была переиздана десять раз как отдельное издание и два раза в рамках собрания *Сочинений Макаренко*.

В «несоциалистических» странах это произведение было опубликовано в Италии (1950, 1961), Японии (1951, 1962), Израиле (1955), Франции (1956), ФРГ (1956), Сирии (1966), США (1967, 1968, 1973), Португалии (1976), Мексике (1983) и на пяти языках Индии: бенгали (1954), тамиле (1958), малаялам (1959), телугу (1959), каннада (1963); кроме того, в СССР *КДР* была издана на английском (1954, 1955), французском (1955, 1957), шведском (1985) языках и на языке хинди (1958, 1959, 1968). При этом отмечается тот факт, что в неевропейских странах — как впрочем и в азиатских республиках и автономных областях СССР — произведения Макаренко, посвященные воспитанию в семье, в том числе и *КДР*, были прежде всего переведены и имеют большее распространение, чем его главный труд — *Педагогическая поэма*. Это можно сказать не только о Японии, Индии и США, а также о Китае, Монголии, Вьетнаме и Кубе.

1. 9.5.1938 г. Макаренко сказал: «[...] получаю письма — я получил полторы тысячи, [...] в этих письмах как раз родители не занимаются тем, что хвалят меня или ругают, а все пишут о своих детях — плохие дети или хорошие [...]» (Центральный государственный архив литературы и искусства СССР [далее: ЦГАЛИ], ф. 332, оп. 4, ед. хр. 173, л. 4), а в сентябре т.г. он отмечал: «На первый том моей *Книги для родителей* я получил несколько сот отзывов.» (*Вечерняя Москва*, 28.9.1938, с. 3). Цитаты из писем читателей, которые хранятся в ЦГАЛИ (ф. 332, оп. 1, ед. хр. 71), были приведены в воспоминаниях одного из воспитанников колонии им. Горького, который пользовался особым доверием Г. С. Макаренко: А. Тубин, «Антон», *Год XXII. Альманах* 16, М., 1939, сс. 445-492.
2. ЦГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 175, л. 3.
3. А. С. Макаренко, *Педагогические сочинения в восьми томах* (далее: *ПС*), М., 1983-1986, 4, с. 361.
4. ЦГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 175, л. 25.
5. В. Макаренко, *Мой брат Антон Семенович. Воспоминания, письма*, Марбург, 1985, с. 38.
6. *ПС*, 1, с. 114.
7. *ПС*, 1, сс. 80-81. Там этот материал был опубликован под заголовком «О некоторых проблемах теории и практики воспитания» и датирован «не ранее ноября 1927 г. — не позднее июля 1928 г.» (с. 345).
8. А. Макаренко, *Gesammelte Werke*, Ravensburg, 1976 («Marburger Ausgabe», Bd. 1), сс. 123, 122. См. также: *ПС*, 5, сс. 316, 315: «[...] а новый быт первым делом требует уменьшить [sic!] у семьи право прибегать к кустарному воспитанию ребенка.»
9. ЦГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 422, л. 2.
10. I. Rüttenauer, *A. S. Makarenko. Ein Erzieher und Schriftsteller in der Sowjetgesellschaft*, Freiburg-Basel, Wien, 1965, с. 129.
11. *Известия ЦИК*, 121, 26.5.1936, с. 1. О последствиях этой общественной дискуссии рассказывает Сузаннэ Леонхард в своей книге *Похищенная жизнь: от редакции Известий потребовали публиковать преимущественно одобрительные письма*. Но так как таковых почти что не было, редакторы были вынуждены сами написать их, чтобы таким образом создать картину широкой «горячей поддержки населения» этого проекта. Как сообщает далее автор, негативные оценки проекта были переданы потом «для изучения» в НКВД, что привело в результате к арестам многих авторов писем, среди них и известных сексологов (S. Leonhard, *Gestohlenes Leben*, Frankfurt/M., 1956, с. 49).
12. Издано в *Известиях ЦИК*, 150, 28.6.1936, с. 1.
13. *ПС*, 7, с. 150.
14. ЦГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 187, л. 4.
15. ЦГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 173, л. 3.
16. Л. Гордин, С. Невская, И. Филин, «О *Книге для родителей* А. С. Макаренко», *Народное образование*, 1987, сс. 79-81.
17. *Литературная газета* (далее: *ЛГ*), 43, 1.8.1936, с. 6.
18. *Год XVIII. Альманах* 8, М., 1935, с. 340.
19. *Литературная газета* (далее: *Лит. газета*), 42, 11.9.1936, с. 4.
20. Сходным образом объясняет это и Е. З. Балабанович в случае с романом *Человек*. Из всего романа Макаренко написал лишь несколько первых глав, однако существует написанное им самим короткое сообщение для какой-то газеты, в котором сказано следующее: «А. Макаренко заканчивает большой роман *Человек*.» (Е. Балабанович, *Антон Семенович Макаренко. Человек и писатель*, М., 1963, с. 410).
21. *ПС*, 5, с. 318. Лишь после того, как данная работа была уже закончена, автор получил возможность просмотреть договор между Макаренко и редакцией *Альманаха* в лице П. Павленко. Там речь идет о том, что Макаренко обязуется представить рукопись «в готовом для печати виде» «в колич. 10 авторских листов не позже 1 окт. 1936 г.» (ЦГАЛИ, ф. 622, оп. 1, ед. хр. 13, л. 40).
22. *ПС*, 8, с. 65.

23. Е. Балабанович, *ук. соч.*, с. 411.
24. См. *ПС*, 8, с. 54.
25. *Лит. газета*, 24, 1936, с. 4.
26. *Воспитание и правопорядок*, 1, 1988, с. 35.
27. *ПС*, 4, с. 25.
28. *ПС*, 4, с. 26.
29. Эта машинопись (50 л.) с правкой Макаренко и карандашными пометками, повидимому, редактора (Павленко?) находится в фонде редакции *Альманаха* (ЦГАЛИ, ф. 622, оп. 1, ед. хр. 195). На обложке этого документа рукой, вероятно, тоже редактора написано: «Макаренко. Архив. 12-я кн., 1937». Характеризуя *Очерк* в комментариях восьмитомника (*ПС*, 5, с. 319), составители делают малоубедительный вывод: «Указанная выше надпись говорит о том, что материал предполагался к опубликованию в 12-й книге альманаха (дек. 1937 г.) после издания *Книги для родителей в Красной нови*.»
30. *ПС*, 5, с. 319.
31. *ПС*, 4, с. 31.
32. *Литературный Ленинград*, 58, 17.12.1936, с. 4.
33. ЦГАЛИ, ф. 622, оп. 1, ед. хр. 8, л. 33.
34. ЦГАЛИ, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 49, лл. 10, 11.
35. К. Кононенко, «Забывать его нельзя», *Машинопись*, Архив лаборатории «Макаренко-Реферат».
36. *Там же*.
37. *Красная новь*, 6, 1937, 4-я обл. с.
38. Один из членов этой редколлегии, литературный критик В. Кирпотин, приклеил перед этим ярлыки «троцкистских агентов» одному из своих коллег Л. Авербаху, а также писателям В. Киришону и А. Афиногенову в статье партийной газеты *Правда*; см. В. Кирпотин, «Троцкистская агентура в литературе», *Правда*, 134, 17.5.1937, с. 4.
39. Как неоднократно писал советский макаренковед В. Е. Гмурман, участие Г. С. Макаренко в работе над *КДР* свелось к сбору материалов. Автор использовал эти записи «именно как материал для качественно нового целого»; «вся книга написана от первой до последней страницы рукою А. С. Макаренко и воплощает его замысел.» (А. С. Макаренко, *Сочинения в семи томах*, М., 1957, 4, с. 531). Сам Гмурман (в сб. *А. С. Макаренко*, 9, Львов, 1976, сс. 125-137), а также Л. Ю. Гордин и А. А. Фролов (в *ПС*, 5, сс. 281-310) опубликовали отрывки из материалов, подготовленных Г. С. Макаренко для *КДР*.
40. См. также I. Rutenauer, *ук. соч.*, сс. 127-180; эта самая, «Ein Buch für Eltern. Nachbemerkungen zu einem Seminar über A. S. Makarenkos Konzept der Erziehung in der Familie», *Pädagogik und Schule in Ost und West*, 4, 1969, сс. 101-103.
41. См. *ПС*, 5, с. 322.
42. *ПС*, 1, с. 216.
43. С. Жаречная, «Книга для родителей А. Макаренко», *Общественница*, 4, 1938, сс. 58-60.
44. Стан, «А. Макаренко, *Книга для родителей*», *Резец*, 6, 1938, 3-я обл. с.
45. Д. Пфляумер, Н. Пфляумер, «Книга для родителей», *Литературное обозрение*, 1, 15.1.1938, сс. 72-74; Н. Астахова, «Книга для родителей», *там же*, 8, 20.4.1938, сс. 12-16.
46. Н. А. Морозова, *А. С. Макаренко. Семинарий*, изд. 2-е, перераб., Л., 1961, сс. 22-23.
47. *ПС*, 5, с. 322.
48. В. Шкловский, «Книга для родителей А. Макаренко», *ЛГ*, 69, 20.12.1937, с. 6.
49. А. Адалис, «Об одном толстом журнале», *Известия ЦИК*, 30, 5.2.1938, с. 3.
50. Так по крайней мере утверждал В. Е. Гмурман в разговоре с автором.
51. А. Макаренко, А. Караваева, А. Эрлих, «Клевета на молодого писателя», *Комсомольская правда*, 35, 12.2.1938, с. 3. А. Караваева — член редколлегии журнала ВЛКСМ *Молодая гвардия*, А. Эрлих — постоянный сотрудник *Красной нови*.

52. В советском макаренковедении нет ссылок ни на обзор А. Адалис, ни на ответ ей Макаренко/Караваевой/Эрлиха.
53. Н. Жданов, «Поэма о людях», *Литературный Ленинград*, 32, 11.7.1936, с. 2.
54. Н. Жданов, «Книга для родителей А. Макаренко», *Звезда*, 3, 1938, сс. 223-229.
55. В. Колбановский, «Поучительная книга. (О Книге для родителей А. Макаренко)», *Красная новь*, 2, 1938, сс. 184-200.
56. В. Колбановский, «Поэзия педагогики», *там же*, 10, 1935, сс. 190-202; тот же, «Еще о поэзии педагогики», *там же*, 6, 1936, сс. 190-201.
57. А. С. Макаренко [кн. 10], Львов, 1978, илл. перед с. 97, сс. 153-154.
58. С. Советов, «Книга для родителей А. Макаренко. (Заметки педагога)», *Литературный критик*, 3, 1938, сс. 128-139.
59. На это обвинение Макаренко косвенно реагирует в своем выступлении 9.5.1938 г., когда говорит следующее: «Точно так же я изобразил семью, где единственный ребенок, не для того, чтобы показать, как неправильно его воспитывают, а для того, чтобы осудить стремление иметь только одного ребенка.» (*ПС*, 7, с. 147).
60. Н. П. Стороженко, «Вредные советы родителям о воспитании детей. А. Макаренко — Книга для родителей», *Красная новь*, в кн. 7, 8, 9, 10 за 1937 г., *Советская педагогика*, 3, 1938, сс. 124-128.
61. ЦГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 180, л. 23 об.
62. ЦГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 187, лл. 4-5. В *ПС*, 4, с. 345, последнее предложение этого высказывания выглядит следующим образом: «А о школе должны писать вы — педагоги... У вас много мыслей, много чувств. Пишите!» Предшествующий абзац этого доклада показывает искажающе-полюемическую манеру передачи Макаренко той критики, которой подвергался за изолированное рассмотрение семьи в своей книге: «За Книгу для родителей меня ругали и критики и педагоги. Критики ругали за то, что эта книга слишком поучительна, больше говорит о поучении, чем о художественных достоинствах, а педагоги говорили, что она слишком литературна и ничему не поучает, но больше всего педагоги обрушились за то, что я ничего не говорил о школе. Это недоразумение. Я и не собирался говорить о школе, я хотел говорить о родителях, для родителей, для семьи.»
63. К. Лаврова, «'Педагогический стиль' советской семьи. А. Макаренко — Книга для родителей», *Книга и пролетарская революция*, 5-6, 1938, сс. 187-192.
64. К. Лаврова, «Под знаменем социалистического гуманизма», *там же*, 10, 1936, сс. 107-112.
65. А. Макаренко, «Разговор с читателем», *там же*, 4, 1938, сс. 158-160; также в *ПС*, 7, сс. 142-144.
66. См. прим. 45.
67. Четвертый номер журнала *Книга и пролетарская революция* ушел в печать уже 21.3.1938.
68. *ПС*, 5, с. 236.
69. *ПС*, 7, с. 144.
70. ЦГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 173, л. 7 об.
71. *Там же*, л. 29.
72. *Там же*, л. 35.
73. *Там же*, лл. 8 об.-9.
74. *ПС*, 7, с. 150.
75. ЦГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 175, лл. 2, 5.
76. «Над чем работают писатели. А. Макаренко», *Вечерняя Москва*, 223, 28.9.1938, с. 3.
77. «Творческие планы писателей», *ЛГ*, 8, 10.2.1939, с. 4.
78. ЦГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 187, л. 3.
79. «Антон Семенович Макаренко. Некролог», *Октябрь*, 4, 1939, сс. 43-44 (здесь — с. 43). В другом месте этого некролога, написанного — как показывает рукопись (ЦГАЛИ,

ф. 1604, оп. 1, ед. хр. 39) — литературным критиком К. Зелинским, речь идет о «двухтомной Книге для родителей» (с. 44).

80. ПС, 7, с. 144.

81. См. прим. 76.

82. ПС, 7, с. 148. Но в докладе от 16.10.1938 г. речь только о трех томах (ПС, 4, с. 247).

83. См. прим. 76.

84. См. прим. 77.

85. ПС, 4, с. 344.

86. ЦГАЛИ, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 49, л. 26.

87. В. Е. Гмурман, «О 'темнике' А. С. Макаренко», Сб. *А. С. Макаренко*, 8, Львов, 1971, сс. 107-112. В этой публикации воспроизведены разверстки 17 тем; см. также: ПС, 5, сс. 276-281 (21 тема).

88. Так и сообщение Макаренко во время доклада 9.3.1939 г. — «Сейчас я сдал в печать второй том [...]» — в изданиях произведений Макаренко, выпущенных АПН, были — ради соответствия реальности — следующим образом исправлено: «Сейчас я пишу второй том [...]» (ПС, 4, с. 344).

89. *Макаренко советует родителям*. (Публикацию подготовил Е. С. Долгин), М., 1970; см. также В. Гмурман, М. Виноградова, «Досадная ошибка», *Книжное обозрение*, 9, 26.2.1971, сс. 10-11.

90. К. Чуковский, «О книге для родителей и школьных учебниках», *Учит. газета*, 9, 17.1.1940, с. 3; «Создадим книгу для родителей!», там же, 14, 29.1.1940, с. 3.

91. Л. Горди, С. Невская, И. Филин, *указ. соч.*, с. 79.

92. См. G. Hillig, «Die Verbeitung der Werke A. S. Makarenko ausserhalb der Sowjetunion», *Pädagogische Rundschau*, 1980, сс. 745-753.